

Куприн Константин

Через ресторан,
в пыль

Константин Куприн
Через ресторан, в пыль

«Автор»

2025

Куприн К.

Через ресторан, в пыль / К. Куприн — «Автор», 2025

Он приехал в Катманду, чтобы открыть ресторан. Обычный российский ресторатор с крепкой хваткой и большим утомлением от людей. Он думал, что будет бороться с поставками, вкусами и специями. А оказался внутри города, где пыль — не грязь, а способ памяти, где ресторан — не бизнес, а вход в нечто большее, а люди рядом знают слишком много, но говорят слишком мало. Этот роман — о том, как открытие ресторана может обернуться открытием самого себя. О символах, которые никто не объясняет. О круге, который замыкается. О кухне, где готовят не только еду, но и решения. «Через ресторан, в пыль» — это история о пути, проходящем через чужую культуру, через тайные залы под землёй, через одиночество и доверие, чтобы однажды стать чем-то простым.

© Куприн К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Последний стол в Самаре.	5
Глава 2. Всё не так, как должно быть.	9
Глава 3. Пыль, сны и первый шаг	12
Глава 4. Вопрос без ответа	16
Глава 5. Город дверей	18
Глава 6. В ресторане, где кухня спорит с кармой	20
Глава 7. Тот, кто нюхал соль	24
Глава 8. Вкус, который исчезает	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Константин Куприн

Через ресторан, в пыль

«Некоторые дороги ведут внутрь. И только те, кто пришёл слишком далеко, понимают, что шли к себе.»

Глава 1. Последний стол в Самаре.

В тот день в зале стоял запах обгоревшего лосося и неотправленных резюме. Егор Ширяев стоял у последнего столика – старого «двойного» у окна, где он когда-то сам делал предложение своей второй жене. Она потом говорила, что подозревала неладное ещё по тому, как он вытирал пыль с подставки под свечу. Тогда он думал, что это любовь. Сейчас – что это был перегиб с сервисом.

Он закрыл ресторан. Не потому, что обанкротился – нет, в Самаре он был кем-то вроде гастрономического Будды: с десятком заведений, авторская кухня, интервью для местных журналов с заголовками вроде «Ширяев: я подаю людям смысл». Просто всё надоело. От всего тошнило. От поставщиков, которые привозили не манго, а уныние в коробках. От официантов, у которых депрессия начиналась после третьей смены. От гостей, которые хотели «что-то без глютена и проблем».

Он мечтал исчезнуть. Без пафоса, без постов в канале Телеграмма с бокалом в руке и подписью "Новая глава началась!". Просто – выключить свет, оставить ключи и уйти.

И именно в этот момент, на фоне пыльного окна, как в старом французском фильме, в ресторан вошёл человек, который говорил по-русски с акцентом и пах карри.

– Вы... Ширяев? – спросил он, словно Егор был каким-то мифом.

– Уже нет, – буркнул Егор. – А вы кто, пельмень буддийский?

Незнакомец рассмеялся.

– Меня зовут Кешав. Я из Непала. Мне нужен ресторан. И человек, который умеет их оживлять.

Кешав сел за тот самый столик, как будто репетировал это движение дома перед зеркалом.

– Я не шучу, господин Ширяев. Мы хотим открыть ресторан в Катманду. У меня есть помещение, инвестиции и мечта. Мне нужен человек, который умеет работать с хаосом.

Гость был странно спокоен. Он сидел, положив руки на стол, будто ждал аудиенции у гуру. Сам по себе невысокий, плотный, с лицом, которое могло быть и тридцатилетним, и шестидесятилетним. Лицо людей, которые умеют жить в условиях, в которых россияне перестают даже спорить.

– Вы не спрашиваете, сколько я плачу, – сказал он после паузы.

– Потому что это всё равно не поможет, – Егор выдохнул и откинулся на стуле. – Если всё снова будет так же: стройка, бардак, официанты, у которых бабушка умирает каждый вторник, и холодильник, который выключается, когда ему грустно.

Кешав кивнул, как будто всё это знал.

– А если не будет?

– Не бывает, – отрезал Егор.

Он встал и пошёл по залу. Столы стояли, как после похорон: чистые, но пустые. Один – сломан, его починили скотчем, но он всё равно скрипел. Он гладил рукой спинку одного из стульев – тех, что он заказывал из Нижнего. Они должны были быть «сдержанно скандинавскими». В итоге были просто неудобными.

– Вы знаете, что мой шеф-повар ушёл в секту? – спросил он, не оборачиваясь. – Открыл онлайн-школу сыроедческой любви. Говорит, его картофельная запеканка теперь энергетически чище.

– Возможно, он тоже нашёл свою истину, – серьёзно ответил Кешав. – Иногда истина выглядит как катастрофа. Но это всё равно истина.

Вот чёрт, подумал Егор. Он говорит как Саша-бариста после второй бутылки вина.

Он вернулся, налил ещё текилы. Глоток обжёт горло. Тепло пошло по груди. Возможно, это было то самое «заземление», о котором столько говорила его бывшая.

– Окей, – сказал он. – Допустим, я прилетаю. Что дальше?

Кешав выпрямился.

– Мы идём в храм. Чтобы снять препятствия. Потом – смотрим помещение. Старый дом в Тамеле. Там раньше был магазин ковров, потом клуб, потом ничего.

– Ковры, клуб и ничего. Звучит как этапы российской экономики. А кухня?

– Внизу. Маленькая, но с вентиляцией. Есть крыша – можно сделать террасу. И сад. И, если вы позволите, уголок для медитации.

– Естественно. Где ж мне ещё рыдать по ночам.

Кешав снова улыбнулся. У него была улыбка человека, который много раз видел, как чужой сарказм сдувается в жаре Катманду.

Ресторан сдался. Юридически и физически. Табличку «снято с аренды» повесил сам Егор, криво, изолентой. Он шёл по залу, как по палате интенсивной терапии: всё стерильно, всё тихо, и всё равно чувствуется, что здесь недавно кто-то умирал. На этом диванчике официантка Соня рыдала из-за повара, который сбежал с бухгалтершей. Вот у этого окна гостям подавали сырники с облепихой, из-за которых устроили срач в Google-отзывах – «сыроватые» или «просто влажные внутри»?

На барной стойке осталась чашка с треснутым краем. Он помнил, кто разбил её. Бармен Коля, за день до увольнения. Тогда они сидели вчетвером, пили просекко из бокалов для бурбона и обещали друг другу, что «в следующем проекте всё будет по-честному». Все уехали. Он остался.

Он вытер чашку, положил в сумку. Всё, что оставалось от команды, был звук холодильника на кухне и остатки моркови в ящике. Холодильник гудел, как будто боялся, что его отключат первым.

Егор не устраивал проводы, но утром кто-то пришёл. Официантка Соня – с опухшими глазами и пакетом с пирогами. Администраторша Наташа – в пуховике, на ходу поправляя ресницы. Повар Петя – с сигаретой и свежим ожогом.

– Ты что, правда в Непал? – спросила Наташа, будто проверяла слух.

– Пока никто не доказал обратное.

– А как это вообще... ну, типа... Непал?

– Пока звучит как «ты поехал в ад, но там пахнет кориандром».

Они посмеялись. Соня всхлипнула, протянула пакет.

– Я напекла. На случай, если у них в самолёте не будет пирожков с капустой.

– Там будет только просветление и инжир, – ответил он.

Они обнялись. Без драмы. Без «держи нас в курсе». Без попыток остановить. Это было прощание между людьми, которые слишком хорошо знают, как всё заканчивается.

Он заехал к Илье, с которым когда-то запускал первое кафе – «Брудершафт». Тогда они ссорились из-за мела для доски меню и вкуса кофе. Сейчас Илья держал свою пекарню и не лез в концепции.

– Ты серьёзно хочешь делать бизнес в стране, где нет даже слова для "сметана"? – спросил Илья, наливая ему чай в чашку с логотипом какого-то битого франчайзи.

– Хочу не бизнес. Хочу переделать себе мозг.

– Так у тебя и этот ещё не до конца сломался.

Егор усмехнулся.

– Вот в этом ты и не прав.

Илья достал из ящика старую салфетку. На ней был карандашный эскиз – меню из первого дня. Там были брускетты, какой-то фантазийный омлет с базиликом и подпись внизу: «еда – это забота в тарелке».

– Помнишь? – спросил Илья.

– Помню. Мы тогда всерьёз думали, что люди будут благодарны.

– Они были. Просто ненадолго.

– Вот именно.

Он забрал салфетку.

– Возьму с собой. Вдруг в Непале ещё верят в заботу.

Он собирался медленно, с утомлённой точностью. Сначала положил рубашки – те, что не мнутся, как его прежние идеи. Потом – книги: «Искусство японской закуски» и дневник Мопассана. Флешку с презентацией, которую так и не показал инвесторам. Кофейную ложку, украденную в парижском отеле.

Потом долго смотрел на полку, где стоял диплом: «Лучший ресторан Поволжья – 2021». Он вздохнул, снял рамку и вынул бумажку. Перевернул. На обороте – детский рисунок, который ему когда-то подарила племянница: «Дядя Егор и его еда». Он там был нарисован с ложкой в руке и короной на голове.

Он улыбнулся.

– Король, значит.

Он вышел покурить. Мороз кусал лицо, будто прощался по-русски – немного грубовато, но с чувствами. В небе не было звёзд. Только отражение фонаря на старом дереве.

Егор достал из кармана зажигалку, щёлкнул – не загорелась. Снова. С третьей попытки вспыхнул огонь. Маленький, упрямый. Как идея уехать туда, где никто не знает, кто ты и каким ты должен быть.

Значит, это и будет начало.

– В духовном, – сказал Егор, закрыл дверь и сел на пол прямо у входа. На кассе горела красная лампочка – последняя транзакция была возвратом за банкет, который так и не состоялся.

Он пролистал переписку с Кешавом: билет, бронь, инструкция, где найти его в аэропорту. Всё было просто. Даже слишком.

Как будто вселенная не спорит. А это всегда подозрительно.

Он собрал сумку. Положил:

●

Шефский нож – подарок на тридцатилетие.

●

Тетрадку с меню «ресторана мечты», которое он когда-то придумал в хмельном угаре.

●

Книгу – «На кухне сгорело. В зале пусто. Мы пытались». Никогда не читал, но было красиво.

●

Последним положил картонку с надписью, которую когда-то повесил в своём первом кафе:

●

«Добро пожаловать. Здесь мы пытаемся.»

Егор вышел во двор. Снег скрипел под ногами. Подваливал какой-то бездомный пёс, сел рядом. Не просил ничего. Просто смотрел.

– Если вернусь – открою шаурму. Честную. Без перчаток, зато с душой.

Пёс зевнул.

– А если не вернусь – ты будешь помнить меня как легенду. Скажешь потом щенкам: был тут один... с ножом и мечтами.

Пёс встал, отряхнулся и ушёл.

В аэропорту Самары было тихо. Раннее утро, когда город ещё не проснулся, а самолёты уже жаждут унести кого-то в новый мир.

Егор стоял у стойки регистрации, в руках – билет в один конец и паспорт, который казался ему чужим. На табло над головой мелькали незнакомые города, но одно слово выделялось особенно – «Катманду».

Он почувствовал, как в груди скребёт ворчливый кот – тот самый, которого когда-то в ресторане боялись за дерзость и привычку прыгать на столы. Кот всегда возвращался домой, а он – нет.

Последний взгляд на родину – через большое стекло терминала: серый снег, редкие машины, неразговорчивые прохожие. Всё это – как сцена из спектакля, в котором он уже не актёр.

Подошла женщина с пограничным контролем. Егор положил пальцы на сканер, но внутри его пальцев сквозила пустота. Он подумал: «Это не про паспорт. Это про себя.»

«Добро пожаловать в новую жизнь», – прошептал он себе, и наконец шагнул на трап.

Самолёт рёвом взял курс на восток. Где-то там, за облаками, его ждала другая история. И другая версия самого себя.

Глава 2. Всё не так, как должно быть.

Самолёт сел, как будто провалился в чашу между холмами. Катманду показался из окна не городом, а беспорядочным рынком, раскинутым по склонам: крыши из гофрированного железа, спутниковые тарелки, старые кирпичные дома и храмы с позолоченными шпилями, как будто нарисованные ребёнком с тягой к драгоценностям.

Когда Егор вышел из здания аэропорта, воздух ударил в лицо – густой, как бульон: смесь сгоревшего топлива, разогретой земли, цветов и мусора. Он был липким, ароматным и пугал своей честностью. Никаких фильтров – Катманду дышал так, как дышат только старые города, где смерть и праздник идут за руку.

Таксисты были первыми обитателями этой реальности. Худые, громкие, с лицами, которые могли быть как дружелюбными, так и обманчивыми, в зависимости от курса рупии.

– Pokhara? Very cheap! Friend, you come with me, very good taxi!

– Я не твой френд, – сказал Егор. – И не very good.

Машина ехала по городу, который не имел центра – только пульс. Улицы были узкими, как страх, и извивались, как судьба героя плохого романа. По обочинам стояли женщины в сари, продавцы лепёшек, подростки с телефонами, коровы, не признающие правил дорожного движения. Иногда всё это объединялось в пробку, которую никто не спешил разгружать.

Катманду был ржавым, уставшим, но живым. Он дрожал на жаре, как в ожидании бури. И в каждой трещине стены, в каждом перекошенном балконе, где сушилось бельё, было ощущение, что тут всё держится не на логике, а на древнем соглашении с богами: мы живём как можем, а вы не мешаете.

Пыль поднималась с дороги как специя. Она въедалась в кожу, в одежду, в мысли. Егор уже не чувствовал, чист он или нет. Здесь грязь не была символом запущенности – она была материей.

Тамель оказался смесью Древнего Востока, дешёвого Запада и туристической иллюзии. Узкие улочки, где свисали неоновые вывески хостелов и магазинов с надписями "Namaste", "Yak Wool", "No Drugs But Ask Anyway".

Фасады зданий – облезлые, с проводами, которые цеплялись за них, как паутина за старые иконы. Лестницы уходили в темноту, а с крыши внизу капала вода. Запахи менялись с каждым шагом: сначала – жареный рис, потом – благовония, потом – моча, потом – чай с имбирём.

Дети играли в крикет, мотоциклисты ехали так, будто у них девять жизней, и только собаки казались уравновешенными: лежали, смотрели, ждали следующего дня.

Катманду не пытался понравиться. Он просто был. Старый, шумный, как будто стоящий на грани развала. И всё же – притягательный.

Кешав подвёл Егора к зданию, которое раньше, по его словам, было клубом, потом – ковровым магазином, а ещё до этого – ничем.

Фасад облупился, как будто город снял с него кожу. Окна в пятнах, дверь – из дерева, покрытого надписями на непонятных языках. На подоконнике спала кошка, за дверью – пыльный пол, и звук, как будто дом дышит.

Внутри пахло временем. И сыростью. И неработающим светом. Под потолком свисала лампа, к которой кто-то примотал джутовый шнур – для стиля или безопасности, неясно.

Егор ступил внутрь и почувствовал, как город вошёл в него – через подошвы, лёгкие и глаза.

Катманду не требовал любви. Он просто смотрел. И ждал, сдашься ли ты – или начнёшь строить.

Они появились утром, когда солнце пробивалось сквозь сетку из проводов и пыли, превращая улицу перед рестораном в дымчатую акварель. Воздух уже был тёплым, но не жарким – в нём витал аромат лепёшек, сандала и далёкого сигаретного дыма.

Трое человек подошли к зданию, не постучав. Вошли, как в храм. Или как в автобус без дверей – по привычке и без лишних слов.

Первым был Прем – пожилой, с тонкой косичкой и руками, покрытыми ожогами и тмином. Он вошёл, будто знал, где что должно быть, хотя видел место впервые. Его футболка "Hard Rock Cafe Delhi" висела на нём, как знамя пережитого.

За ним шёл Мани, молодой и странно лёгкий. Казалось, он не шёл, а скользил. Его глаза сияли так, как сияют глаза людей, слишком долго сидевших в позе лотоса под прямым солнцем. Он сразу положил ладони на стену, закрыл глаза и прошептал:

– Здесь хорошая память. Стены хотят, чтобы тут готовили.

Последним вошёл Рамеш, строителённый прораб в вязаной шапке и с лицом монаха, ушедшего в отпуск. Он нёс в руках связку странных инструментов, пучок шалфея и пластиковую бутылку, наполненную неизвестной жидкостью.

– Это... это и есть команда? – спросил Егор, сдавленно.

Кешав кивнул, будто привёл лучших из возможных.

– Прем готовит. Мани обслуживает. Рамеш строит и советуется с Луной.

– А кто отвечает за реальность?

– Ты.

Крыша была покрыта пылью и листьями ржавого железа. Вдоль перил свисали верёвки для белья, но вместо одежды – молитвенные флажки: красные, зелёные, жёлтые, трепещущие на ветру, как мысли, уносимые к горам.

Катманду отсюда выглядел, как ковёр, расстеленный богами в спешке: дома лепились друг к другу, спутниковые тарелки сверкали в закатном солнце, а храмовые купола светились мягким золотом, будто внутри горел огонь.

Шум города доносился снизу: гудки, крики, далёкие звуки музыки, звон посуды – всё это сливалось в ровный, пульсирующий ритм. В нём не было паники. В нём было принятие.

– Здесь будет терраса, – сказал Кешав. – Люди будут есть и смотреть на закат. Это важно. Чтобы еда шла в тишину, а не в спешку.

Егор не отвечал. Он смотрел на город. Он впервые за долгое время ничего не хотел исправить. Всё было криво, пыльно, абсурдно – и всё же дышало.

Он опёрся локтями на перила, почувствовал шероховатость камня, солнце на коже и странную, почти незнакомую эмоцию.

Не восторг. Не надежда. А тихое согласие на то, что всё может быть не по плану – и это не всегда плохо.

Поздно вечером пришла Лакшми – женщина в оранжевом, с волосами, собранными в пучок, и лицом, как у директрисы, которая умеет вызывать духов.

Она не представилась – просто вошла, как будто здесь всегда жила. Принесла с собой бронзовую чашу, благовония, небольшое зеркало и маленький колокол, в который звенела через равные промежутки.

Егор хотел спросить, есть ли у неё санитарная книжка, но промолчал.

Лакшми зажгла благовоние. Дым медленно пополз вверх, превращая комнату в акварель. Он не резал нос, а обволакивал. Пахло сухими цветами, пеплом, корицей и чем-то – древним.

Она начала напевать. Высоким, негромким голосом, с модуляциями, которые будто пробуждали в стенах воспоминания. Воздух изменился. Не стал чище – стал иным.

– Она очищает не помещение, – прошептал Кешав, – а всё, что будет в нём происходить.

– А если я захочу приготовить пельмени? Это тоже пройдёт через её фильтр?

– Пельмени – тоже путь.

Когда всё стихло – рабочие ушли, коза наконец перестала бляеть, а повар Прем завершил свой последний ритуал с луковицей и чашкой чая – Егор остался один.

Он разложил спальник на полу будущего зала. Пол был холодным и шероховатым, пах цементом, плесенью и странной надеждой. Сквозь выбитое окно доносился гул города: где-то всё ещё кричал торговец лепёшками, где-то играла дудочка, а где-то мотоцикл пытался не задеть прохожих на улице шириной в три шага.

Потолок над ним был высоким и тёмным. В его углу висел провод, который кто-то обмотал цветной нитью – возможно, для защиты от злых духов. Или просто для красоты.

Егор включил фонарик на телефоне. Слабый луч скользнул по стенам. На одной – старая надпись на непальском. На другой – след от картины, которой больше нет. Всё казалось временным. Даже воздух.

Он достал блокнот, начал писать:

"План:

– Найти, на чём тут вообще держится всё.

– Не умереть от риста.

– Не превращать это место в кальку с Москвы.

– Узнать, зачем я здесь.

– Назвать ресторан. "

Последнее Егор придумал. Когда ехал по этой грязи, он увидел чистую, белую вывеску, которая сильно выделялась на фоне всего этого безобразия.

Nupa besne

Таксист перевёл на английский, а Егор адаптировал на русский. *"Продам соль"*

Мы будем – «Nupa». Отражать чистоту этого города, хотя бы этой солью.

Он замолчал. Положил ручку. Лёг обратно.

В эту ночь он не ждал тишины. Он просто слушал, как шорохи, лай, гудки и далёкие песнопения ложатся друг на друга, как слои города. Здесь всё было шумом – но каким-то честным. Он закрыл глаза.

Глава 3. Пыль, сны и первый шаг

Катманду проснулся не утром – он просто не ложился. Ночь здесь не гасит, а только меняет саундтрек: с криков и моторов на лай собак, далёкие песни и плеск воды в открытых канавах.

Егор открыл глаза в четыре тридцать. Воздух в помещении был тяжёлым, как старый ковёр, пропитанный чаем, дымом и неизвестностью. За окном было не темно – серо. Как будто день не мог решиться, стоит ли начинаться.

Он вылез из спальника, откинул тряпку с проёма двери и вышел на улицу. Район был тих, но уже жил: женщина мыла плитку перед магазином, мужчина на мотоцикле кропил колёсные арки водой, а подросток с веником подметал прямо в сторону дороги, поднимая пыль в небо, словно благовоние для богов хаоса.

Егор подошёл к чайному киоску на углу. Там старик варил масала-чай в металлической кружке, медленно помешивая шумной ложкой. У него были уши, как у Будды, и морщины, как карта Гималаев.

– Один, – показал Егор пальцем.

Старик налил. Без слов. Горячий, сладкий, пряный – чай с молоком и перцем, как плевков и поцелуй одновременно.

– Почему здесь всё в пыли? – спросил Егор, скорее себе.

Старик вдруг поднял глаза:

– Потому что город помнит. Катманду – это долина. Слишком старая. Здесь было озеро. Здесь были боги. Теперь – моторы и время. Но всё, что когда-то было – оно под землёй. Поэтому, когда идёт пыль – это не грязь. Это напоминание.

– Напоминание о чём?

– Что под нами всегда кто-то спит.

После чая он вернулся в здание ресторана и прилёг ненадолго. Не то чтобы уснул – скорее, провалился.

Во сне он был на крыше. Вокруг – флажки, летающие вверх. Никаких звуков. Только лёгкий звон, будто с чаши. Потом – тень. Высокая, тонкая. Она стояла на соседнем доме и смотрела на него. Без лица. Без жеста. Но с чем-то знакомым. С тем, что он однажды чувствовал в Москве. Когда однажды не вернулся домой, а остался ночевать в подсобке бара, потому что просто не мог видеть потолок своей квартиры.

Проснулся он в холодном поту. На полу – след от чьей-то ноги в пыли. Прямо у входа.

Он замер. Потом подошёл. Посмотрел. След был. Один. Сухой. Как будто кто-то стоял и не входил.

– Возможно, это просто грязь с обуви, – сказал он вслух.

И не поверил себе.

Он вышел снова, уже когда солнце пробивало облака. Улица оживала. Женщины в сари несли на головах корзины с цветами. Мужчины спорили у магазина мобильной связи. Мальчик продавал шарики, привязанные к пучку верёвки, как виноград.

Катманду не выглядел туристическим. Он выглядел вечным. Как будто люди здесь не жили, а продолжали традицию – как хор, который не помнит, когда началась песня.

Он шёл и вдыхал: пряности, бензин, жареное тесто, свежий цемент, сырость. Один запах сменял другой каждые три метра. Он не мог идти ровно – улицы были узкие, дома шли вплотную, как будто боялись одиночества.

Он свернул за угол – и тут произошло первое странное совпадение.

На стене, возле храма, кто-то нарисовал лицо.

Он узнал его.

Это было лицо той тени из сна. Или ему так казалось.

Не ярко. Уголь. Профиль. Высокий лоб. Нитка вместо глаза. Подпись на непальском, которую он не понял. Под ней – маленький, почти стертый символ: ключ, вписанный в круг.

Он сделал фото.

А потом заметил, что такие же символы есть ещё на двух стенах по дороге назад. Они будто вели куда-то. Или откуда-то.

Он не рассказал об этом Кешаву. Пока. Только отметил в тетрадке. И дописал:

«Катманду пыльный, потому что здесь слишком много прошлого.

Оно не уходит. Оно просто становится фоном.

И, похоже, я наступил на какую-то его часть.»

Катманду медленно уходил в ночь – не гас, а просто терял чёткость. Окна домов отражали закат, как старые зеркала: криво, но тепло. Улицы уже не были светлыми, но и не темнели по-настоящему. Всё между.

Егор сидел в чайной на углу – не в той, где пил утром, в другой. Эти заведения, как лица, были в чём-то одинаковыми, но в каждом скрывалось что-то своё.

Перед ним стояла чашка. Пар поднимался лентой вверх, растворяясь в шуме.

Он снова увидел тот символ. На скамейке, вырезанный ножом. Едва заметный. Те же очертания: круг, внутри – что-то похожее на ключ, чуть согнутый. Или змея?

Он вздохнул. Повернулся – и в стекле увидел отражение. Мгновенно.

Девушка.

Сидела через два стола. Волосы собраны. Простая одежда, не туристка, но и не местная. Смотрела в окно, будто слушала город. Лицо – спокойное, но не отрешённое. Слишком живое.

Он отвёл взгляд. И снова взглянул – её уже не было. Стул чуть качался, будто кто-то встал секунду назад. На столе осталась только чашка. Недопитая. С аккуратным следом губ. И под ней – сложенная вдвое салфетка. На ней – тот же символ.

Вернувшись в здание ресторана, он зажжёт свечу. Свет дрожал, и стены будто колебались вместе с ним.

Он достал блокнот. Написал:

«Что это за знак?

Почему он повсюду?

Кто она?

Почему я вспомнил лицо из сна, до того как его увидел на стене?

И...

Чего я на самом деле боюсь – что всё это совпадения?

Или что – нет?»

Он сидел долго. Слушал город. Где-то ударили в чашу. Где-то завывла собака. Где-то пролетела молитва.

Он чувствовал: Катманду жив. И кто-то, где-то – его позвал.

На рассвете он вышел и снова увидел, как город сам создаёт пыль. Подметают – но не убирают. Строят – но не заканчивают. Ломают – и не спешат заделывать.

Катманду был не городом, а дыханием прошлого. Оно поднималось из земли и оставалось в воздухе. Как память, которую не можешь стереть – только вдохнуть.

И в этом воздухе Егор почувствовал – всё только начинается.

На фоне этого – он пытается «вернуться в дело»: выстраивать работу, организовывать людей, придавать хаосу форму. Но город – и люди в нём – опять делают всё по-своему.

Ранним утром, в семь ноль пять, в дверь ресторана постучали трижды. Сначала настойчиво. Потом – как будто в ритм молитвы. Третий раз – почти нежно.

Это был Рамеш. В шапке. С кирпичом в руках и уверенным видом.

– Today – good day for kitchen wall, – сказал он с улыбкой, как будто шёл строить храм, а не подводку под вытяжку.

– А вчера был плохой? – буркнул Егор.

– Вчера Луна смотрела вниз.

– Надеюсь, сегодня она хотя бы развернулась лицом.

Работы начались. Если это можно было назвать работами.

Прем, повар, тихо стоял у стены и резал что-то похожее на имбирь. Рядом стояла кастрюля, в которой уже что-то кипело. Хотя ресторана ещё не существовало.

Мани, официант, сидел в углу и рисовал схему «движения энергии через трапезу». Он был уверен, что еда – это не просто процесс, а настройка. На что – не уточнялось.

Кеша зашёл позже, с пластиковой сумкой и папкой с бумагами. В сумке – лапша. В папке – старые договоры, расписанные шариковой ручкой и пёрышком павлина.

– У нас будет инспекция через неделю.

– Какая? – насторожился Егор.

– Просто человек. Придёт, посмотрит, благословит. Это как разрешение на шум, но по-другому.

– Ещё один шаман?

– Ну, не совсем. Но с барабаном.

Егор выдохнул. Посмотрел на зал. Всё ещё грязно. Стены кое-где сырые. На потолке – следы от воды. Но в воздухе уже висел запах чего-то живого: имбирь, жареный лук, специи. Даже пыль, оседающая на подоконнике, пахла не смертью, а начинанием.

– Прем, у нас нет меню. Мы не знаем, что будем подавать, – сказал Егор, наблюдая, как повар добавляет в кастрюлю что-то зелёное и резко пахнущее.

Прем кивнул.

– Но я уже готовлю. Люди будут есть. Потом ты поймёшь, что именно.

– Ты хочешь, чтобы ресторан открылся, а мы только потом узнали, что в нём подают?

– Именно.

Он улыбнулся – без иронии. Как будто в этом была великая истина. Как будто так и нужно.

Егор вытер руки полотенцем и пошёл на крышу. Воздух был сухой, пыль медленно ложилась на перила. Он снова вспомнил тот символ. Круг и ключ. Или змея. Или просто рисунок, сделанный кем-то с воображением. Он пытался отбросить это.

"Совпадение.

Я устал.

Я не в форме.

Это просто... город. Всё здесь странно."

Но внутри что-то дрогнуло. Как будто страх не ушёл, а просто затаился. Не страх перед опасностью. А перед смыслом.

К вечеру всё здание дышало специями. Прем вытащил кастрюлю на улицу, и мимо проходящие начали останавливаться.

– Это продаётся? – спросил кто-то на английском.

– Пока нет, – ответил Егор. – Пока это... проба.

– Это вкусно, – сказал незнакомец и ушёл.

Он не заплатил. Он даже не спросил, что это было.

Прем кивнул:

– Начинается.

Егор хотел возразить. Сказать, что ничего не готово, что нет меню, что стены не выровнены. Но не стал.

Он лёг спать в своём спальном мешке. Пыль под ногтями. Запах перца в волосах.

Он не думал о символе.

Он не думал о сне.

Он думал, как удивительно: иногда хаос создаёт начало.

Но где-то в груди – тихо и ровно – пульсировало ощущение, что кто-то следит. Не злобно.
Не близко. Но точно – не случайно.

Глава 4. Вопрос без ответа

Катманду в этот день был особенно громким. Воздух дрожал от звуков: молитвенные барабаны, клаксоны, голоса, крики с крыш. Казалось, город что-то кричал – не разобрать что, но с отчаянной настойчивостью.

– Он говорит, ты не платил, – сказал Кешав, заходя с телефоном в руке.

– Что? Кому? За что?

– За рис. Два мешка. Ты брал – он уверен.

– Я не брал. Я вообще не знал, что они у нас есть!

– Но они есть.

Егор вышел во двор. Там, под навесом, действительно стояли два мешка с рисом – надутые, как животы. На одном – простая надпись чёрным маркером: "जय".

– Это что?

– Надпись на хинди, – пожал плечами Прем. – "Победа". Или имя.

– Чьё?

– Кто знает. В Катманду много имён, которые никто не помнит.

Егор решил дойти до поставщика сам.

По пути – бесконечные повороты, базар, мопеды, два школьника, поющие что-то на крыше автобуса. Всё шумело. Всё жило. Город шептал на каждом углу. Только смысла в этом было чуть меньше, чем в плохом сне.

Склад находился в районе Калимати – между овощным рынком и рекой, в переулке, где пахло то ли кофе, то ли сыростью. Его встретил мужчина с повязкой на лбу и старым калькулятором в руке.

– Вы брали. Ваш человек взял. Он оставил расписку. Вот.

Он протянул листок. Бумага старая. Почерк – неровный. Имя – Ram.

– У нас нет никого по имени Рам.

– Но он был у вас. Он сказал – помощник.

Егор вздохнул. Всё как всегда: отсутствие структуры, лишние люди, город, где каждый может быть кем угодно. Он решил не спорить. Оставил деньги. Развернулся.

Уже у выхода он обернулся – и на стене склада увидел:

тот же символ.

Только теперь – чуть больше. Аккуратнее. В углу, под слоем краски. Почти стёрт, но всё ещё различим.

Ключ в круге.

И рядом – слово. Уже на английском.

"open."

Он не рассказал никому. Не стал фотографировать. Только записал на полях блокнота:

"open – где?

кого?

меня?"

Он пытался вернуть голову к делу: обсудить расклад столов, поставку газа, сварку дверной ручки, меню без свинины и с уважением к духовным практикам.

Но в груди – что-то звенело. Лёгкое, как чашка, ударенная ложкой.

В тот вечер он снова увидел её. Девушку. Та же. Через улицу. Стояла и смотрела. На него? Или на храм за спиной?

Он моргнул – и её уже не было.

Но на стене, рядом с тем местом, где она стояла, пыль выделила странный силуэт. Как будто кто-то оставил след руки. Или ключа.

Катманду вечером не замирал – он распускался, как цветок с другой стороны времени. Егор сидел на крыше ресторана. Перед ним – чашка чая, уже остывшая. Внизу – улица, по которой шли сразу в трёх направлениях, несмотря на то, что она была односторонней.

С неба падал шум города: лай собак, звон колокольчиков, чей-то смех, далекий барабан.

Он вдыхал пыльный воздух – и в голове крутились мысли.

Этот символ. Он появляется, когда я не ищу. Исчезает, когда пытаюсь найти. Как будто... как будто город знает, куда я смотрю.

Он подумал: а вдруг это всё правда просто совпадения? Пыль, стресс, жара. Усталость. И одиночество, которое маскируется под организацию дел.

Он попытался вернуть мысли к делу: до открытия оставалось меньше месяца, а кухня всё ещё не подключена. Полы – не выровнены. Меню – туман. Электрик обещал прийти «завтра», но завтра в Непале – это мифологическая дата, как "скоро" у чиновников.

Егор встал. Потянулся. Посмотрел на небо. На нём не было звёзд. Только лёгкое свечение. Как будто город сам выдыхал свет, вместо того чтобы ждать его с неба.

Ночью, в зале, он снова увидел силуэт на пыли окна. Сначала подумал – просто след от ладони. Но нет. Скорее – контур ладони, в которую вложено что-то продолговатое.

Он провёл пальцем – пыль легко слетела, будто уступая.

Он не стал звать никого. Не записал. Даже не сфотографировал.

Он просто сел рядом. И смотрел. Минут пять. Может, больше.

– Ты не со мной разговариваешь, да?

– Ты просто везде.

– Или я в тебе.

Он улыбнулся. Впервые – не с тревогой, а с каким-то странным согласием.

На следующее утро он проснулся рано. В голове не было ни сна, ни мыслей – только тишина, как будто внутри всё слегка перезагрузилось.

Кеша уже что-то кричал по телефону, Прем резал что-то острое и красное, а Мани, кажется, медитировал на скатерти.

Егор прошёл мимо них и сказал только одно:

– Сегодня едем в Бхактапур. За вдохновением.

– Почему туда?

Он пожал плечами:

– Просто кажется, что нужно туда.

Он ещё не знал, что именно там он увидит символ не на стене, а в чужих глазах.

И что это будет началом чего-то совсем другого.

Но пока – он просто ехал.

А город – улыбался пыльной улыбкой. И ждал.

Глава 5. Город дверей

Бхактапур встретил их звуком – не громким, но ясным: колокол, ударенный один раз. Он висел у входа в старый храм и звенел, когда его задевал ветер. Звук уходил вверх и оседал на черепичных крышах.

Кеша ехал рядом, молчал, что было странно. Обычно он рассказывал, какие молочные шарики где покупать, в каком храме лучше медитировать по вторникам и почему в Катманду можно найти больше иранских ковров, чем в Иране.

Но сейчас он просто смотрел в окно. Будто сам был на экскурсии внутри себя.

Бхактапур шёл мимо окна неспешно: двери, деревянные решётки, фрески, горшки на крышах, дети в школьной форме, козы в свитерах, женщины с подносами на головах. Всё двигалось – но не торопилось.

– Здесь всё сделано руками, – сказал Кеша наконец.

– Люди или боги? – спросил Егор.

– А разве это не одно и то же?

Они зашли в лавку с тканями. Там пахло мускусом и сырым деревом. На полках – платки, одеяла, странные верёвки, которые, по словам хозяина, не защищают, но уговаривают судьбу.

Хозяин был стар. Настолько, что, казалось, знал не только цену каждого товара, но и имя дерева, из которого тот сделан.

Лавка старика была похожа не на магазин, а на воспоминание о чьей-то жизни. На стенах – платки, связки сушёных цветов, амулеты, зеркала, маски. Потолок низкий. Воздух – тяжёлый. Не затхлый, нет. Просто такой, которым нельзя дышать без последствий. Когда старик заговорил, голос его был не как у человека, а как у внутреннего голоса, который вдруг решил озвучиться вслух.

Егор почувствовал, как внутри что-то напряглось.

Он мог спросить. Мог сказать: «Что вы имеете в виду?», «О чём вы говорите?», «Что это за символ?». Но не стал. Потому что был не тот страх. Не страх услышать что-то страшное. А страх – услышать что-то, что ты уже знал. Старик смотрел на него спокойно. Не как продавец. Как свидетель.

И Егор вдруг понял: если он сейчас спросит, то станет частью чего-то, от чего уже не отступить.

А пока – он ещё мог отступить. Мог сделать вид, что ничего не понял. Что просто зашёл за платком или палантином. Что он – просто турист.

Поэтому он кивнул, пожал плечами, сказал:

– Интересные у вас вещи.

И вышел. Почти бегом.

Когда он снова увидел её, у выхода с площади, она стояла спокойно, как будто знала, что он её найдёт. Свет падал под углом, её фигура была почти силуэтом. Она улыбнулась. Протянула тетрадку. Сказала то, что сказала. И пошла.

И у него было три секунды. Сделать шаг. Сказать: «Стой!», «Кто ты?», «Ты знаешь про знак?», «Почему ты везде?». Но он не сделал.

Потому что, он не был готов услышать то, что нельзя будет забыть. У человека есть лимит тайн на день. И он уже перебрал. Она исчезла слишком естественно. Не драматично, не в киношном "пыль взметнулась". Она просто пошла. А это – хуже. Это значит: она была реальна.

Он боялся, что, если пойдёт за ней – она исчезнет совсем. А так – она осталась как возможность. А возможность – легче переносить, чем потерю.

И, наконец, он слишком долго жил жизнью, где всё объяснялось. Где каждое действие в ресторане имело причину. Где пыль – это плохо, а знак – это ребрендинг.

А тут... Тут всё было намёком, а не инструкцией.

Он остался стоять с тетрадкой в руке. И даже не открыл.

Когда Кеша вернулся с жареным тестом и сладким чаем, он ничего не заметил.

– Ну что, идём дальше? – спросил он.

– Да, – ответил Егор. – Пора.

Он сунул тетрадку в рюкзак. Между схемой кухни и влажными салфетками. Словно просто бумажка. Как чеки.

Но внутри было ощущение:

Открыть – страшнее, чем не знать.

Но не открыть – значит потерять то, что уже нашёл.

Глава 6. В ресторане, где кухня спорит с кармой

Утро началось со звонка. Голос в трубке говорил на смеси английского и непальского, но суть была ясна:

– Лимоны будут не жёлтые. А зелёные. Или вообще лаймы. Или ничего.

– Мы заказывали жёлтые!

– Бог не прислал. Очень горячо. Всё зелёное.

– А если я дам в два раза больше?

– Тогда придёт жёлтый... но в среду.

Среда – через пять дней.

– Мне они нужны завтра!

– Тогда... зелёные. Но в мешке, где один будет жёлтым. Как знак.

Егор выдохнул. Сбросил звонок. Посмотрел на Кешу:

– Когда ты говорил, что рынок – живой, ты не уточнил, что он шизофреник.

На кухне пахло гвоздикой, поджаренным рисом и... обидой.

Прем стоял у плиты с выражением лица, будто его заставили резать ножом не лук, а собственные принципы.

– Ты хочешь, чтобы я стал поваром из больничной столовой, да? – бросил он, не поворачиваясь.

– Я хочу, чтобы у нас было меню, Прем, – спокойно ответил Егор. – Люди приходят в ресторан не для того, чтобы ты «чувствовал энергию сковороды». Они приходят поесть. А не гадать, что им вывалится из кухни сегодня.

Прем резко обернулся. У него были острые, уставшие глаза. Он говорил с паузами, будто взвешивал каждое слово на весах кармы:

– Я... не... конвейер. Я не стану механической рукой, вылепливающей одинаковые блюда каждый день. Я... я чувствую ингредиенты. Я с ними разговариваю. Если чеснок хочет быть сырым – я не могу его жарить.

– А если гость хочет, чтобы чеснок не разговаривал с ним всю ночь?

Пауза. Напряжённая. В воздухе будто потеплело от гнева.

– Это не просто еда. Это выражение внутреннего пути, – упрямо добавил Прем. – Если хочешь повара, который только жарит и молчит – ищи другого. Я не готов к такому.

Егор подошёл ближе. Его голос остался мягким – но внутри уже появилось то самое стальное "я знаю, что делаю".

– Слушай. Я открыл семь ресторанов. Я видел поваров, которые молились перед тем, как начать жарить омлет. Я видел шефа в Сочи, который кормил карпа клубникой, чтобы у него была «жизнерадостная послевкусица».

И я не против творчества.

Я за него.

Но творчество без рамок – это просто шум.

Прем отвернулся. Молчал. Потом бросил:

– Ты меня не уважаешь.

– Не правда. Именно поэтому я хочу договориться.

Он достал из блокнота страницу, положил на стол.

– Вот твои самые удачные блюда. Мы включим их в основное меню. Чёткое, понятное, повторяемое. А каждый день – одно твоё авторское блюдо. Как специальное предложение от шефа. С табличкой, с историей, с медитацией – хоть с цитатой Будды сверху. Оно будет твоим личным блюдом дня. Согласен?

Прем не ответил сразу. Он дышал тяжело. Потом взял лист. Посмотрел на него. Долго.

Пальцем провёл по строчке: «дал с дымом и перцем, настоящим на солнце».

– Это правда моё любимое...

– Вот. И его ты дашь миру. В формате, который не сожрёт твои нервы. Договорились?

Прем вздохнул. Не как проигравший, а как человек, которому дали шанс сохранить лицо и душу.

– Ладно, Егор. Но я всё равно иногда буду импровизировать.

– А я всё равно иногда буду проверять.

Они переглянулись.

Битва была завершена.

Партнёрство – началось.

Мани рисовал очередную мандалу мелом на полу зала.

– Мани, это убираем.

– Но она очищает пространство.

– А потом её раздавит каблук богатой туристки. И она не очистится, а испачкает ей ботинок за 300 долларов.

– Но гости почувствуют баланс.

– Они почувствуют, что официант в блаженстве и забыл про заказ.

Егор подошёл ближе. Говорил спокойно, но твёрдо:

– Мани. Я уважаю твой путь. Но здесь не храм. Здесь бизнес. И пока ты в униформе – ты не гуру, а сотрудник.

Медитируй, сколько хочешь. Но до смены. А не вместо неё.

Мани посмотрел на него. И – вдруг – улыбнулся.

– Спасибо. Я ждал, когда ты это скажешь. Теперь ты стал настоящим хозяином.

Егор удивился:

– Ты... специально?

– Нет. Просто мир работает так. Иногда мы проверяем. Даже неосознанно.

В тот же день, вечером, они сидели за столом в ещё пустом зале. Лампочки свисали с потолка, не все работали. Пахло краской, кориандром и нетерпением.

– Ты правда думаешь, что мы справимся? – спросил Кеша.

Егор посмотрел на недоделанную барную стойку, на пятно от соуса на скатерти, на мрачного Према, ковыряющего в блокноте список блюд.

– Нет, – сказал он. – Мы не справимся.

Пауза.

– Мы сделаем лучше.

Мы получим звезду. Здесь. В Катманду.

И весь мир приедет сюда, чтобы понять – как это случилось.

Молчание.

А потом – короткий аплодисмент от Мани. Кеша присоединился. Даже Прем слегка кивнул.

Семь часов вечера. Катманду медленно погружался в закат. Воздух становился густым, как масала, а свет ламп на стенах зала – золотистым и мягким.

Они не успели купить все одинаковые скатерти, но Мани сказал, что «разность – тоже гармония».

Пятнадцать гостей.

Случайные и не очень.

– Лама в очках, приехавший на скутере.

– Пожилая женщина с рынка, в серьгах до плеч.

– Белокурая туристка из Голландии по имени Лив, которая просто «увидела, как вытирали окна», и решила зайти.

– Двое подростков – местные, но в кожанках и с ухмылками, как будто случайно здесь оказались.

– Мать с дочкой, обнявшиеся у входа.

И... инспектор муниципалитета, который пришёл, потому что «люблю наблюдать за хаосом, когда его называют пробным запуском».

Пахло кориандром, топлёным маслом и свежим рисом.

Прем вышел из кухни в чистом фартуке, с лицом самурая перед последней битвой.

Мани – стоял у входа, спокоен, как будто вот-вот начнёт читать мантры, но вместо этого говорил:

– Добро пожаловать. Здесь подают не только еду, но и тишину между вкусами.

Первое блюдо: Суп «Согревающий ветер»

Прозрачный бульон с тёмными вкраплениями специй, в нём плавал тонко нарезанный чеснок и нежные полоски курицы.

Поверх – капля масла с куркумой и кусочек жареного имбиря.

– Горячо, – сказала Лив, – но... как будто не обжигает, а будто кто-то положил руку мне на грудь и сказал «ты здесь, всё хорошо».

Подростки сначала смеялись, но один из них потом шепнул другому:

– Как будто в детстве, когда бабушка поила после простуды...

Второе: дал с горчичными листьями и дымной солью

Густая, тёмная чечевица. Горчичные листья придавали ей остринку и что-то дикое, как будто ешь лесной суп, сваренный где-то в Гималаях на костре.

Запах дыма был тонким, но цепким – он задерживался в носу, будто хотел остаться.

– Это... слишком странно, – сказал один гость.

Пауза.

– ...но я хочу ещё.

Инспектор ел медленно. Потом записал что-то в блокнот.

– Впервые, – произнёс он, – чечевица напоминает мне о детстве, которого у меня не было.

Третье: жареный сыр в панировке из чапати

Нарезанные треугольники плотного сыра в хрустящей корочке. Подаются с густым соусом тамаринда, который пахнет сладким дождём.

Один укус – и внутри сыр тает, а снаружи – корочка хрустит, будто отпадает лишнее.

– Это преступление, – вздохнула пожилая женщина. – Я уже наелась, но съела бы ещё три.

– Это то, что я бы заказал ещё до того, как закончил, – сказал подросток.

Финал: десерт «Тихий Будда»

Рис, сваренный в кокосовом молоке, с крошкой из лепестков розы, немного цедры лайма, и подан в миске, вырезанной из маленькой тыквы.

Аромат – как шёпот. Тёплый, сладкий, но без навязчивости.

Мать с дочкой ели молча. Потом мать сказала:

– Мне кажется, я вспомнила, как звали первую подругу в школе. Хотя не вспоминала её лет двадцать.

Когда подали чай – с корицей и тмином, чтобы «закрыть еду», – в зале стояла не тишина, а очень мягкое молчание.

Как будто все внутри себя сказали «спасибо» – и ещё не знали, за что именно.

Егор стоял у стены. Не вмешивался. Наблюдал.

Прем подошёл. Сел рядом.

– Думаешь, получилось?

Егор не ответил сразу. Потом сказал:

– Да. И это – только начало. А теперь представь, что будет, когда мы вычистим вытяжку, купим нормальные тарелки и обзаведёмся официантами, которые не прячут меню за Буддой.

Они оба рассмеялись.

И в этот момент один из подростков подошёл, вручил Егору салфетку с надписью:

«Это было не просто вкусно. Это было... как будто кто-то вспомнил тебя лучше, чем ты сам.»

Той ночью, лёжа в комнате на втором этаже, Егор достал рюкзак. Пальцы коснулись тетрадки. Он мог бы открыть её сейчас. Но не стал. Он впервые не чувствовал спешки. Потому что впервые... почувствовал себя на своём месте.

Глава 7. Тот, кто нюхал соль

Катманду с утра был шумный и пыльный, как город, который только что проснулся – но уже злой.

Мотоциклы ревели, как демоны, в узких улочках. Уличные торговцы выкрикивали что-то, что звучало одновременно как заклинание и как жалоба на жизнь.

А воздух был настолько густой, что его хотелось жевать, а не вдыхать.

Егор протирал стеклянную дверь ресторана. Он никогда не мыл стёкла в своих московских проектах. Для этого были люди. Но здесь – всё иначе.

Ресторан назывался “Nakasha” – от непальского слова, которое Кеша уверял, значит “контур”.

Потому что, как он объяснил:

– Мы здесь не рисуем картину. Мы создаём контур. А остальное – дорисует гость.

Сам ресторан занимал первый этаж старого трехэтажного дома из красного кирпича, с резными балконами над входом и дверью цвета запечённой куркумы.

Внутри – два зала:

Основной – вытянутый, с каменным полом, колоннами с трещинами и мягкими желтыми лампами под потолком.

Там стояли 8 столов, у стены – длинная скамья с подушками.

Малый зал – уютная комната на 4 стола, отделённая шторой цвета шафрана. Сюда Кеша хотел заманивать «тех, кто ищет уединение и вайфай».

На кухне – хаос, укомплектованный до предела:

●

одна двухконфорочная плита,

●

духовой шкаф (поживший, но работает),

●

огромный котёл для риса,

●

и полка, на которой всегда кто-то сидел: вчера это был Прем, сегодня – кот, которого Мани назвал Джатака.

В туалет приходилось проходить мимо кухни и через короткий тёмный коридор с ржавыми трубами и молитвенным барабаном.

Егор сначала хотел его убрать, но Мани сказал:

– Он держит в равновесии запахи. Если уберёшь – придёт сырость.

В девять утра, когда солнце только начало пробиваться сквозь городскую пыль, раздался глухой стук.

Кеша выглянул и побледнел.

– Это проверка.

– Какая?

– Любая. Здесь проверяют не когда ты готов. А когда у тебя на губе мука.

В ресторан вошли трое.

Первый – в бежевом жилете с нашивкой, где было написано: “Комитет по гастроравновесию”.

Второй – с портфелем и складным метром. Он сразу принялся измерять расстояние между столами и стенами.

Третий – седой, с серьёзным лицом и банкой соли. Он ходил и нюхал, как будто искал признаки духовного дисбаланса.

– Доброе утро, – сказал человек с солью. – Где у вас точка вкусового напряжения?

– Простите... чего?

– Где наиболее сильно проявляется энергия блюда? Мы должны замерить.

Егор моргнул. Потом посмотрел на Кешу.

– Они серьёзно?

– На всякий случай – отвечай серьёзно.

– Ну, наверное... вот здесь. – Он ткнул на стол ближе к окну.

Туда немедленно направили всю группу. Мужчина с портфелем достал подвесной маятник, стал водить им по воздуху.

– Маятник пошёл, – прошептал он. – Здесь действительно мощно. Визуализация бобовых сильна.

– Это что за розыгрыш? – наконец спросил Егор, чувствуя, как внутри нарастает раздражение.

Но проверка продолжалась. Они открыли морозилку, постучали по ней пальцем. Один достал ложку и постучал по медному чайнику, как по гонгу.

– А этот звук? Слышите? Резонанс!

– Это кот прошёл по полке! – выдохнул Егор.

– Он и есть часть системы, – торжественно кивнули ему в ответ.

Через сорок минут после странных замеров, маятников и обсуждений "грузовой кармы риса", дверь снова открылась – и в ресторан вошёл седоволосый мужчина в очках, в белой рубашке, с широкой улыбкой.

– А! – закричал он. – Так, всё, всё, хорош!

– Поздравляю, вы прошли проверку!

Пауза.

Мужчина с солью заулыбался, снял бейджик. Метроносец рассмеялся.

– Это был розыгрыш! – хлопнул в ладоши новенький. – Мы так встречаем все новые заведения. Катманду маленький, а общепит – деревня. Надо же как-то проверить, не заносчив ли владелец. Если психанёт – не будем с ним работать. Если выдержит – значит, свой человек.

Егор стоял в абсолютной тишине.

– Вы меня проверяли?

– Да! И, знаешь, ты крутой. Держался спокойно, даже когда мы сказали про духовную проводку.

– Это вы придумали «пятно в форме бесконечности»?

– Гениально, правда?

– Вы больные на голову.

– Прекрасно! Значит, впишетесь!

У входа уже сидели дети. Один продавал лотосы из бумаги, другой дремал под табличкой «Nakasha».

Катманду жил, как будто на грани исчезновения – и в этом была его сила. Всё могло в любой момент исчезнуть или превратиться в шутку.

И всё равно – продолжало работать.

Егор закрыл двери.

Прошёл через зал.

Потрогал стол, где «маятник пошёл».

Понюхал воздух.

Пахло не абсурдом.

Пахло жизнью.

И в тот вечер он впервые не дотронулся до тетрадки.

Потому что в этот раз – уже знал, что дверь есть.

Осталось только понять – куда она ведёт.

Глава 8. Вкус, который исчезает

Катманду просыпался, как старик, который знает, что утро – не гарантия счастья, а всего лишь факт. Сначала – тонкий звон колокольчиков на соседнем храме, затем – гудки мотоциклов и первые выкрики уличных торговцев: «мали, мали, таркара!» – «фрукты, овощи!»

Воздух был сухим, пыль снова ложилась на стекло витрины, и Егор, стоя у входной двери, не мог удержаться: взял тряпку и снова протирал стекло, хотя знал – через двадцать минут оно будет таким же мутным.

– Ну что, босс, – сказал Кеша, появляясь за его спиной с кипой бумажек, – пора открываться официально.

Он с грохотом разложил их на ближайшем столе: листовки, визитки, схемы публикаций, заметки на непальском, русском и каком-то смешанном языке, где слова «энергия», «пряность» и «харизма» соседствовали с «вайб» и «манга».

– Вот наш первый шаг: раздача карточек на Тамеле, рекламный пост в местном гастро-канале, платная история у той самой журналистки, что вчера ела твой дал и плакала. Я её уговорил – за бесплатный пирог.

Егор усмехнулся, но ничего не сказал. Он стоял у входа, слушал город, вслушивался в шум, в гул улицы, в тонкие, почти музыкальные всплески языков и запахов. Всё это напоминало ему дыхание чего-то живого. Катманду не был просто городом – он был зверем, огромным, медленным и непредсказуемым. С ним нельзя было торговаться, но можно было попробовать угадать ритм его сердца.

Внутри ресторана шелестели скатерти – Прем поправлял столы в большом зале, где, казалось, каждая колонна помнила ещё времена, когда в этом здании торговали тканями и специями. Кеша скакал между залом и кухней, несясь с айпадом, как шаман с табличкой. Мани, как всегда, был спокоен. Он сидел в углу и чистил мандарин, время от времени кидая дольки коту Джатаке.

– А ты не нервничаешь? – спросил Егор, проходя мимо.

– Всё уже случилось, – ответил Мани. – Мы просто наблюдаем, как это проявляется.

– Что именно?

– Энергия. Случайность. Или ты.

– Отлично, – усмехнулся Егор. – Значит, ответственность снова на мне.

Рекламная кампания шла своим чередом: Кеша выкладывал короткие видео, где Прем рассказывал про специи, как про актёров древнего театра; Лив, та самая туристка, запостила сторис с подписью «#NotJustDal» и отметила локацию. Через день им написали двое блогеров и один местный депутат, который «хочет поужинать незаметно».

Первый ужин с важными гостями выдался почти мистическим.

Господин Адхикари пришёл с сыном, который всё записывал в блокнот, будто рецензировал не ресторан, а театр. Французы молчали до третьего блюда, а потом один из них сказал:

– C'est du calme chaud.

Тепло, которое успокаивает.

Прем подавал сдержанно, без лишнего пафоса. Мани скользил между столами как дух – незаметно, беззвучно, но всё успевая. В воздухе стоял запах гвоздики и риса, перемешанный с ароматом масла, настоящего на фенхеле.

После десерта Лив, вернувшаяся на один вечер, оставила салфетку с надписью:

«Это не ресторан. Это место, где вспоминаешь, кто ты был до всех этих тревог».

Егор положил салфетку в ящик кассы. Не как сувенир – как доказательство, что всё не зря.

Утро следующего дня началось с обычной суеты. Запасы, списки, обсуждения меню.

Прем ворчал на новые поставки чечевицы – якобы «она смотрит на него слишком мрачно».

Кеша спорил по телефону с дизайнером визиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.